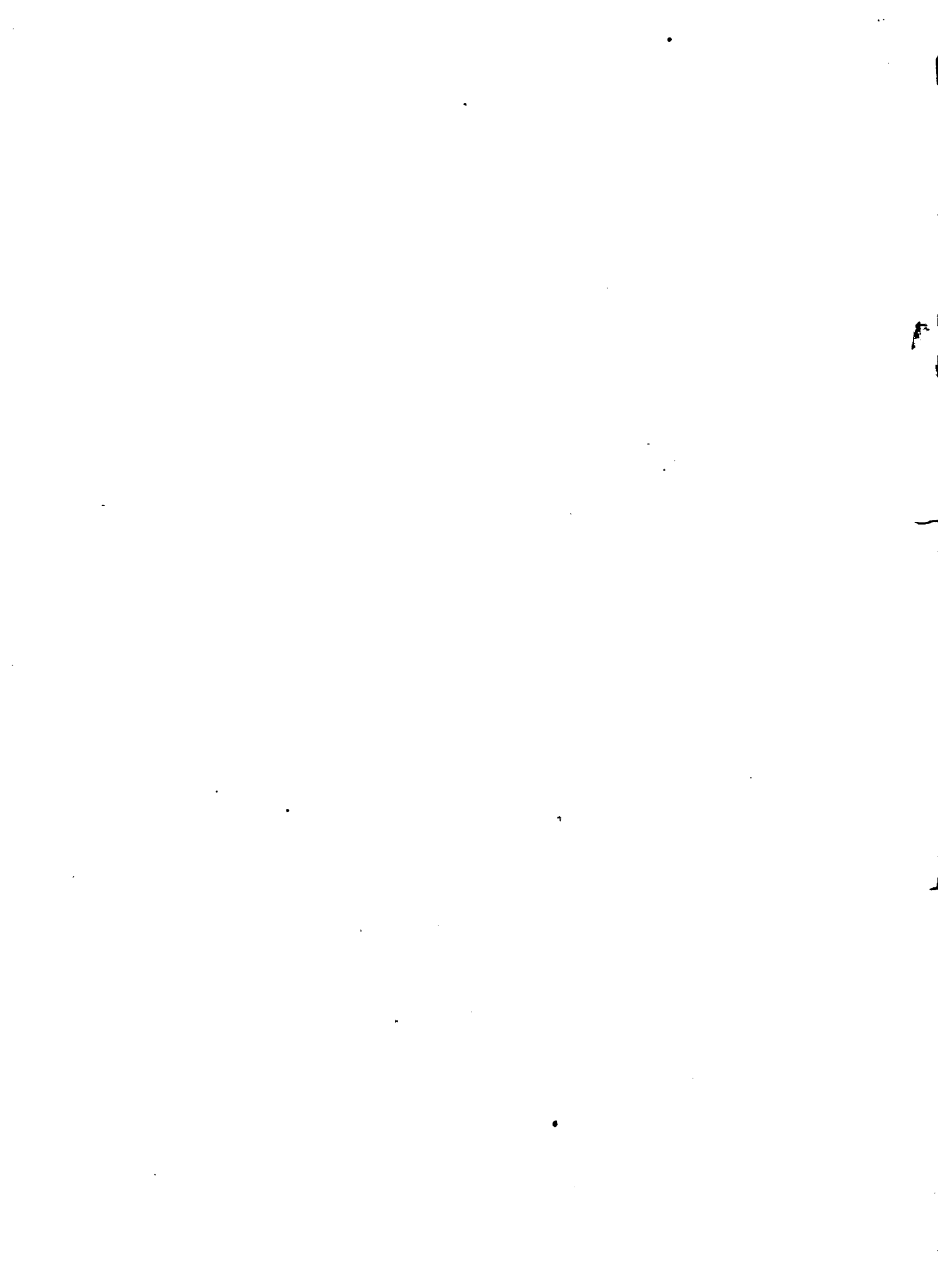

М. Д. СКОБЕЛЕВЪ.

М. Д. СКОБЕЛЕВЪ.

Э Т Ю Д Ъ

ПО ХАРАКТЕРИСТИКЪ НАШЕГО ВРЕМЕНИ И ЕГО ГЕРОЕВЪ.

(Съ тремя чертежами.)

Т. К. Градовскаго.

„Если Я сказалъ худо, докажи, что это худо;
а если хорошо, за что ты бьешь Меня?“

Юли., 18, 23.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. С. Леви, Большая Подъяческая, № 35.

1884.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28-го Марта 1884 года.

ПРЕДЛАГАЕМОЕ изслѣдованіе задумано было еще въ январѣ 1882 г., вскорѣ послѣ рѣчи, произнесенной М. Д. Скобелевымъ, на петербургскомъ обѣдѣ, данномъ въ честь покорителя Геокъ-Тепе и ахалтекинцевъ. Дѣло было не столько въ самой рѣчи, сколько въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя ее вызвали и сопровождали. Россію втягивали въ новую войну, гораздо по важнѣе, нежели война 1877—1878 годовъ, и которая грозила послѣдствіями, несравненно болѣе серьезными, нежели Крымская война. Сужденія печати и общественныя толки обнаруживали явленія, совершенно аналогичныя съ тѣми, какія предшествовали послѣднимъ восточнымъ войнамъ. Та же задиричивость, то же самохвалство, то же легкомысленное отношеніе къ непріятелю, тѣ же, наконецъ, крики объ угнетеніи славянъ и объ освободительной миссіи Россіи, при полномъ забвеніи своего собственнаго положенія, при отрицаніи хотя-бы терпимости къ мнѣніямъ среди насъ самихъ. Даже поводы ко всей этой воинственности были преж-

ніе. На сцену опять выдвинуты были босняки и герцеговинцы, о которыхъ мы успѣли позабыть уже въ эпоху сербской войны и объ интересахъ которыхъ мнѣ всего было заботы при заключеніи Санъ-Стефанскаго прелиминарнаго договора. Возгласы извѣстной части печати и нѣкоторыхъ общественныхъ кружковъ очень напоминали крики „въ Берлинъ, въ Берлинъ!“ съ которыми бонапартисты ввергли Францію въ унижительную и дорого обошедшуюся войну 1870 года. Если-бъ судьба и посылала Россіи новое тяжкое испытаніе, въ видѣ Европейской войны, то одно было ясно и несомнѣнно: не намъ самимъ слѣдовало накликать эту бѣду и не при тѣхъ условіяхъ — нравственныхъ, умственныхъ и матеріальныхъ, — въ какихъ мы находились, можно было ожидать не только положительной, но хотя-бы отрицательной пользы отъ этого кровопролитія.

Рѣчь на обѣдѣ 12 января 1882 года и обстоятельства, при которыхъ она была произнесена, обнаруживали, что Скобелевъ впутывался въ ту политическую роль, которая до тѣхъ поръ ему была совершенно чужда, и являлся такимъ же орудіемъ въ рукахъ другихъ, какимъ онъ очутился потомъ, какъ теперь доказано, въ Парижѣ, гдѣ ему навязана была новая воинственная рѣчь и гдѣ въ планы Гамбетты

входило „попугать пѣмцевъ“ и вызвать разладъ между Россіей и Германіей. Между тѣмъ, по внѣшности, казалось точно вся эта затѣя принадлежала самому Скобелеву, въ качествѣ народнаго вождя, народнаго героя и выразителя народнаго духа и самыхъ заветныхъ русскихъ интересовъ. Въ то же время, тысячи листовъ трубили славу Скобелева, муслировали его ахалтекинскія побѣды (о которыхъ почти совершенно молчали, когда они совершались), возвеличивали подвиги Скобелева въ войну 1877 — 1878 гг. и распространяли опасное заблужденіе, будто при одномъ имени нашего полководца страхъ и трепетъ поселяются между непріятелями, — хотя даже текинцы, какъ показалъ опытъ, неособенно спѣшили пасть „подъ ноги“ этого побѣдоноснаго обоянія. Словомъ, выходило будто Скобелевъ идетъ туда, куда указываетъ ему „народный духъ“, и народъ готовъ слѣпо ринуться за своимъ вождемъ и „показателемъ пути“, ибо „вѣрить въ своего героя“.

При такихъ условіяхъ, казалось, необходимо по крайней мѣрѣ знать все то, что относится къ боевымъ подвигамъ Скобелева и можетъ выяснить политическую его фізіономію. Между тѣмъ, мы именно страдали въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, недостаткомъ знаній. Политическіе взгляды Скобелева нашли еще себѣ возможную тогда оцѣнку; но боевая

его дѣятельность оставалась въ полнѣйшей тѣни или, что еще хуже, освѣщалась крайне односторонне и на основаніи такого матеріала, который не подвергся сколько нибудь серьезной разработкѣ и безпристрастному сужденію.

Въ началѣ 1882 года, невозможно было, однако, даже приступить къ этой задачѣ. Въ это время, въ нашей журналистикѣ процвѣтала та „свобода духа и слова“ и та „истинно-русская политика“, которыя, по увѣренію И. С. Аксакова, сулили намъ счастливый возвратъ къ московскому періоду и влекли насъ „назадъ и домой“. Поэтому, тѣ періодическія изданія, которыя могли дать мѣсто объективной статьѣ о Скобелевѣ и съ редакціями которыхъ велись на этотъ счетъ переговоры, приходили, при одной мысли объ этомъ, въ такой „трепетъ“, въ какой должны были повергнуться наши непріатели, если-бъ на нихъ пошелъ Скобелевъ.

Въ томъ же году, Скобелевъ умеръ и оплаканъ своими многочисленными поклонниками. Съ другой стороны, воинственные бравады не только прекратились, но ихъ смѣнила, повидимому, на вѣки нерушимая дружба съ тѣми самыми „нѣмцами“, на которыхъ ополчались и хотѣли повести насъ тѣ, кто подстрекалъ Скобелева къ политическимъ приключеніямъ. Босняки и Герцеговинцы, по прежнему, забыты и русскому на-

роду не навязывается миссія освобожденія ихъ отъ „австрійскаго гнета“. Такимъ образомъ, тѣ побудительныя причины къ изслѣдованію боевой дѣятельности и политическихъ стремленій Скобелева, какія существовали въ началѣ 1882 года, теперь устранились. Тѣмъ не менѣе, поклоненіе Скобелеву превратилось даже въ своего рода культъ, а мы продолжаемъ столь-же мало знать о немъ, какъ и прежде. Правда, въ настоящее время появились, по крайней мѣрѣ, два сочиненія, заслуживающія полного вниманія и уваженія — г. Гродекова, объ ахалтекинской экспедиціи, и г. Куропаткина — о дѣйствіяхъ Скобелева подъ Ловчею, Плевною и Шейновымъ; но „культъ“ Скобелева составилъ прежде появленія этихъ сочиненій. Остается, слѣдовательно, въ полной силѣ тотъ фактъ, что мы возводимъ людей въ герои и политическіе вожди, не потрудившись изучить ихъ дѣятельность и оцѣнить достоинство ихъ идей, и не допуская даже самой возможности подобныхъ изслѣдованій и сужденій. Кому мы поклоняемся, передъ тѣмъ всѣ обязаны раскланиваться; на кого нападаемъ — въ пользу того никто уже не смѣетъ сказать хотя-бы слово защиты и оправданія. Поклонники Скобелева не могутъ опереться на тотъ вразумительный доводъ, который громче самыхъ подобострастныхъ восхваленій говорить въ пользу великихъ людей и ихъ заслугъ —

они не могутъ сказать: Скобелева изучали и подвергли самой строгой и придирчивой критикѣ, но онъ вышелъ торжествующимъ изъ этого искуса, обязательнаго для всѣхъ сколько нибудь замѣчательныхъ людей.

Мы остаемся, слѣдовательно, при всѣхъ тѣхъ условіяхъ, которыя вовлекали насъ, въ началѣ 1882 года, въ роль искателей приключеній и грозили Россіи однимъ изъ величайшихъ бѣдствій. Случаю угодно было лишить насъ Скобелева и мы не видимъ теперь въ имени его повода къ задиристости; но подобная же случайность можетъ оказать намъ и медвѣжью услугу. Если-бъ въ умахъ нашихъ хранился, въ видѣ непреложной истины, такой, напримѣръ, афоризмъ, какой всѣ повторяли послѣ австро-прусской войны 1866 года — „теперь побѣждаетъ школьный учитель“ — то никакой опасности ни для мира, ни для развитія русскаго народа не предстояло-бы. Точно также была-бы плодотворна и память о внушительныхъ урокахъ, какіе были получены нами въ Крымскую войну. Подобныя истины, однако, не держатся среди насъ. Взамѣнъ ихъ, изъ войны 1877—1878 годовъ, мы вынесли культъ Скобелева, вмѣстѣ съ совершенно превратными понятіями о войнахъ и тѣхъ условіяхъ, какія даютъ народамъ права на мировое значеніе и роль освободителей. Этотъ культъ и эти ошибочныя понятія создаютъ такіа невзгоды и

заблужденія, какія были испытаны Россіей до Крымской войны и невыгодныя послѣдствія которыхъ приходится переживать и до сихъ поръ. Этотъ культъ еще возросъ, благодаря внезапной и преждевременной смерти Скобелева. Смерть эта устранила только на время опасность ближайшаго вліянія на нашу жизнь и на наши международныя отношенія такихъ понятій, какъ „шапками закидаемъ“, или что „при видѣ высокихъ сапоговъ—турки обратятся въ бѣгство“, или, наконецъ, что „одного имени Скобелева достаточно, чтобъ передѣлать берлинскій трактатъ“. Почва для господства подобныхъ заблужденій еще распирилась. При малѣйшемъ толчкѣ, эти заблужденія могутъ воскреснуть съ новою, подавляющею силою, отыскавъ для себя новаго Скобелева и новое приложеніе. Въ свое время, культъ Наполеона и „наполеоновскихъ идей“, усилившійся особенно послѣ его смерти, обошелся Франціи возрожденіемъ бонопартизма, въ неприглядной формѣ второй имперіи, принесшей много позора и несчастій французамъ и надѣлавшей немало бѣдъ всей Европѣ. Точно также и культъ Скобелева и тѣхъ политическихъ идей, которыя въ него воплощаютъ, не можетъ сулить намъ ничего добраго.

Такимъ образомъ, не столько самъ Скобелевъ, сколько та умственная и нравственная атмосфера, которая окру-

жаетъ его имя и въ которую онъ былъ втянутъ, побуждаетъ не пренебрегать изученіемъ этой личности, съ возможною объективностью и безпристрастіемъ.

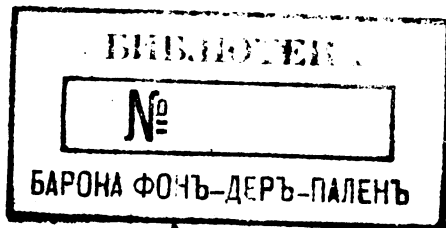
На этомъ основаніи я предлагается вниманію русскаго общества настоящая брошюра. Авторъ хорошо знаетъ, какому риску онъ подвергается, идя въ разрывъ съ господствующими представленіями; но на его сторонѣ успокоительное сознаніе выполненнаго публицистическаго долга и увѣренность, что среди лучшей части русскихъ читателей не заглохла терпимость къ чужому мнѣнію. *)

Григорій Градовскій.

19-го февраля 1884 г.

С.-Петербургъ.

*) Исслѣдованіе это было готово къ печати въ сентябрѣ 1882 года и составлено по первоисточникамъ. Въ настоящее время, сдѣланы тѣ исправленія и дополненія, какія вызываются появившимися съ тѣхъ поръ сочиненіями и статьями, относящимися къ этому предмету. При брошюрѣ приложены три чертежа окрѣстностей: Ловчи, Плевны и Шипкинскаго перевала.

М. Д. СКОБЕЛЕВЪ.

Этюдъ по характеристикѣ нашего времени и его героевъ.

«Аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ:
аще ли добръ, что мя бѣши».

Иоан. 18, 28.

I.

НЕЖДАННАЯ кончина Михаила Дмитриевича Скобелева не могла не вызвать глубокаго сожалѣнія даже среди тѣхъ, кто не доходилъ до ослѣпленія въ сужденіяхъ объ этой личности. Въ порывѣ горя, «Русь» имѣла полное основаніе воскликнуть: «Не живетъ на нашей Русской землѣ талантамъ,—только посредственности раздолье»^{*)}).

Величаніе Скобелева, не отличавшееся умѣренностью при его жизни, — получило, однако, послѣ его смерти, такіе размѣры, которымъ теперь даже трудно вѣрится.

Сегодня это былъ храбрый, многообщавшій генераль и «будущій защитникъ Россіи противъ

^{*)} 1882 г., № 26.

всѣхъ ея внѣшнихъ, замышляющихъ нашу гибель враговъ». Гдѣ эти враги и насколько опасны ихъ замыслы, надъ этимъ не задумывались; но Скобелевъ выставлялся предполагаемымъ спасителемъ Россіи отъ этой воображаемой опасности. «Одно его имя стоило цѣлыхъ армій»! восклицали достойные потомки тѣхъ, которые до Крымской войны хвастались, что вся Европа трепещетъ передъ Россіей и завидуетъ нашему благополучію. На слѣдующій день, Скобелева пожаловали уже въ «военные геніи» и «полководцы, Суворову равные». Послѣдній аттестатъ пріобрѣлъ тѣмъ большую важность, что онъ былъ выданъ отъ имени военной академіи. Далѣе, волна величанія подымалась все выше и разбѣгалась все шире. Скобелевъ оказался народнымъ геніемъ, которые рождаются только вѣками. Его возвели въ необычайные политики, которые не только «орлинымъ окомъ» видятъ ясно настоящіе интересы и потребности своего народа, но прозрѣваютъ далеко, въ глубь будущихъ вѣковъ, угадывая судьбы человѣчества. Послышались заботливые голоса о томъ, чтобъ собрано и издано было малѣйшее слово, написанное Скобелевымъ, точно рѣчь шла о великомъ мыслителѣ и писателѣ. Петербургская дума не только рѣшила переименовать одну изъ улицъ въ «Скобелевскую», но и постановила отпустить 25,000 руб. на сооруженіе памятника въ честь этого генія и народнаго героя. Этимъ дума наглядно показала, насколько, въ ея глазахъ, Скобелевъ выше Пушкина, который удостоился отъ имени петербургскаго населенія убогой мраморной доски на

домѣ, гдѣ онъ умеръ. Москва, въ лицѣ своихъ глашатаевъ, не упустила случая приревновать петербургскую думу къ Скобелеву. Правда, московская дума, по старомосковскимъ завѣтамъ, «устава браны» промолчала, но за первопрестольную столицу заговорилъ г. Аксаковъ, доказывая, что не только Петербургъ не имѣетъ права на памятникъ въ честь Скобелева, но что и существующій уже противъ Казанскаго собора монументъ Кутузова слѣдуетъ переташить въ Москву. О памятникѣ Суворова почему-то умалчивалось. Потому-ли, что, мы имѣемъ теперь новаго Суворова, или потому, что въ патріотическихъ попыткахъ невозможно вспомнить, за одинъ разъ, всѣхъ тѣхъ мѣропріятій, которыя необходимо предпринять для униженія неблагонадежной столицы Петра, въ честь правовѣрной и самобытной Москвы. «Русь» съ горячностью заявила, что «Скобелевъ, какъ народная слава, какъ народный герой, принадлежитъ и народной столицѣ»; постановка же памятника въ Петербургѣ—«лишена всякаго смысла». Такимъ образомъ, патріотическій порывъ петербургской думы признанъ былъ безмысленнымъ, со стороны такого «свѣдущаго человѣка» по патріотической части, каковъ г. Аксаковъ. Съ другой стороны, на страницахъ «Руси», самымъ серьезнымъ образомъ, печатались предложенія о переименованіи губернскаго города Минска (гдѣ расположенъ штабъ 4-го корпуса, которымъ командовалъ Скобелевъ) — въ «Минскъ-Скобелевъ». Недоставало только, чтобъ отыскиались лица, которыя сочли-бы, что Минскъ недостоевъ чести называться именемъ принадлежащаго москви-